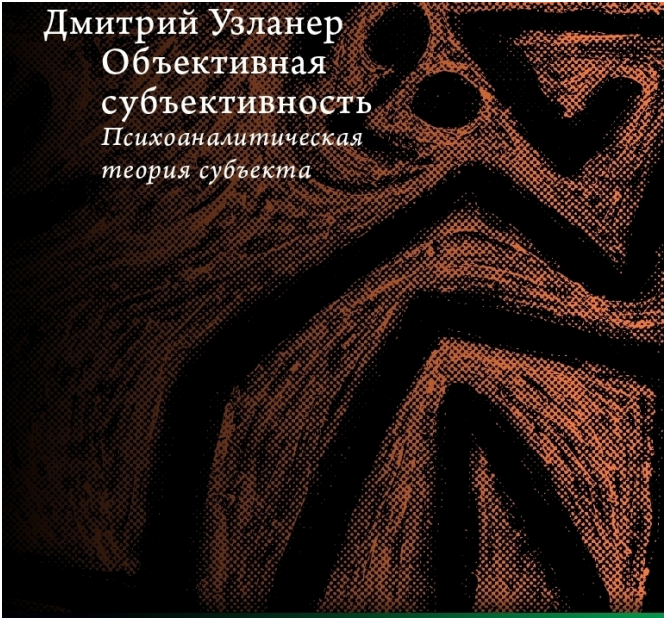
Дмитрий Узланер

Объективная субъективность

Психоаналитическая теория субъекта



ПРОЕКТ СЕРИЙНЫХ МОНОГРАФИЙ ПО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИМ И ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ

Дмитрий А. Узланер

Объективная субъективность: психоаналитическая теория субъекта

Серия «Исследования культуры»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35500739
Объективная субъективность: психоаналитическая теория субъекта:
ISBN 978-5-7598-2216-5

Аннотация

Главная тема книги – человек как субъект. Автор раскрывает данный феномен и исследует структуры человеческой субъективности и интерсубъективности. В качестве основы для анализа используется психоаналитическая теория, при этом она помещается в контекст современных дискуссий о соотношении мозга и психической реальности в свете такого междисциплинарного направления, как нейропсихоанализ. От критического разбора нейропсихоанализа автор переходит непосредственно к рассмотрению структур субъективности и вводит ключевое для данной работы понятие объективной субъективности, которая рассматривается наряду с другими элементами структуры человеческой субъективности: объективная объективность, субъективная

объективность, субъективная субъективность и т.д. В последних главах детально разбирается теория субъекта Жака Лакана, элементы которой иллюстрируют ключевые для этой работы интуиции, касающиеся анатомии человеческого субъекта, – в субъективном и интерсубъективном контекстах.

Книга предназначена для всех, кто интересуется современным психоанализом, а также философией сознания и человеческой субъективности.

Содержание

Введение 5
Глава I 14
Бесконечные похороны Фрейда 17
О научности Фрейда и психоанализа 21
Нейропсихоанализ: нейронаука знакомится с Фрейдом 28
Поговорим о ножах для колки льда 36
Обеспокоенность статусом, или «Дяденька, я тоже ученый!» 43
Так почему же многие исследователи категорически отвергают психоанализ? 47
Несколько заключительных соображений 54
Глава II 56
Нейропсихоанализ и двухаспектный монизм 58
Мозг или психика? Концептуальные проблемы нейропсихоанализа 60
Нейропсихоанализ и проблема перевода 66
Не что, а кто: назад к субъекту 80
Конец ознакомительного фрагмента. 83

Дмитрий Узланер
Объективная субъективность: психоаналитическая теория субъекта

Введение

Данная работа посвящена исследованию структур человеческой субъективности. Быть субъектом, т.е. осознанно переживать мир от первого лица, – неотъемлемая и, вероятно, уникальная особенность человека. Однако при этом человеческая субъективность и ее структуры нередко выпадают из поля зрения академических исследований. Если почитать популярные работы, суммирующие естественнонаучный взгляд на человека, то в них вся человеческая сложность нередко сводится к двум элементам – мозгу (и в целом материальному субстрату) и сознанию, являющимся, по сути, двумя сторонами – материальной и идеальной – одного и того же. Из мозга и сознания затем выводится весь многомерный мир человеческих переживаний и человеческого пове-

дения. Впрочем, даже сознание нередко оказывается под подозрением – эта странная мыслящая субстанция с трудом вписывается в материалистическую картину мира. Ее влияние на функционирование человека максимально нивелируется, а разговоры о ней зачастую не идут дальше рассмотрения его нейронных коррелятов.

Подобное избегание темы человеческой субъективности едва ли вызывает большое удивление. Как можно изучать то, что невозможно увидеть со стороны, что практически невозможно превратить в объект, доступный для наблюдения? Однако отказ от этого изучения по методологическим причинам – если мы не можем изучать что-то достоверным образом, значит, это что-то надо выносить за скобки или, в крайних случаях, отрицать – приводит к распространению упрощенческих представлений о человеке. Эти представления вытекают не из внимательного наблюдения за человеком в сложном социальном и психологическом контексте, но из наблюдений за тем, что удобно наблюдать. Например, за животными. Если удобнее и привычнее изучать животных, то, значит, и человека надо свести к этим животным, применяя к нему по аналогии те наблюдения, которые были сделаны в отношении обезьян. И всю человеческую сложность свести к животной простоте – мол, у человека все устроено так же, только чуть сложнее. Если эволюция когда-то превратила животное в человека, то некоторые мыслители прикладывают, похоже, все усилия для того, чтобы совершить обратное

превращение – человека в животное: в смысле переописания человека так, чтобы он, согласно этому описанию, ничем от животного не отличался. Отсюда вырастают многочисленные работы о том, что социальное поведение человека ничем качественно не отличается от социального поведения бонобо. Что человеческие эмоции – лишь чуть более сложная вариация на тему собачьих эмоций. Что разгадку тайны человеческой памяти надо искать не в книгах, например, Марселя Пруста, но во внимательных наблюдениях за несчастной морской улиткой, которую в экспериментальных целях нещадно бьют током, вырабатывая у нее «память». Или, например, за человеком, но в стерильных лабораторных условиях, где человек сталкивается с упрощенными ситуациями и упрощенными переживаниями. Неудивительно, что и выводы о человеке, полученные в рамках таких исследований, будут не менее упрощенными и даже карикатурными.

Это «переописание» человека в животное, а также карикатурные нейроописания на основе лабораторных экспериментов проанализировал в своей книге «Как людей превращают в обезьян: нейромания, дарвиниты и искажение человеческой природы» нейроученый-скептик Реймонд Таллис[1].

В своей работе я буду говорить о том, что понимание человека невозможно без понимания структур человеческой

---

[1] *Tallis R.* Aping Mankind. Neuromania, Darwinits and the Misrepresentation of Humanity. Stocksfield, UK: Acumen Publishing Limited, 2011. Например, о памяти см. p. 123 и далее. См. также: *Legrenzi P., Umilta C., Anderson F.* Neuromania: On the Limits of Brain Science. N.Y.: Oxford University Press, 2011.

субъективности. Что одного мозга и сознания недостаточно для того, чтобы охватить уникальный опыт человеческого существования в мире. Что человеческая субъективность является самостоятельным, сложным и многомерным измерением, заслуживающим отдельного изучения. Что человеческое сознание есть лишь один из элементов этой структуры. И что, несмотря на то что эти структуры связаны с мозгом, исследований мозга недостаточно для понимания этих структур. Я попытаюсь описать структуру человеческой субъективности, которая является тем дополнительным элементом, который – помимо мозга и сознания как малой части этой структуры – необходимо учитывать для того, чтобы хотя бы приблизиться к пониманию человеческой реальности во всей ее сложности.

Эта структура человеческой субъективности будет рассматриваться мной с опорой на психоаналитическую традицию. Психоанализ, по словам Эрика Кандела, до сих пор представляет собой «наиболее когерентный и интеллектуально насыщенный взгляд на ментальное измерение человека (*mind*)»[2]. И, кстати, в контексте этой цитаты нет ничего удивительного в том, что маргинализация психоаналитической традиции совпала с маргинализацией и, по сути, забвением темы человеческой субъективности. Как пишет

---

[2] *Kandel E.* Biology and the future of psychoanalysis. A new intellectual framework for psychiatry revisited // Kandel E. Psychiatry, Psychoanalysis, and the New Biology of Mind. Washington; L.: American Psychiatric Publishing, Inc., 2005. P. 64.

об этом Николас Роуз, «глубокое психологическое пространство», раскрывшееся в XX в. благодаря психоанализу и схожим направлениям, «уплощилось»[3]. Психоанализ, по сути, предложил новый объект для исследования – ум (*mind*) человека:

> Это не был ум из XIX в. – «пространство рациональности, примыкающее к мозговой ткани (*coterminous with the cerebral tissues*)» – это было «моральное» пространство между органическим мозгом, с одной стороны, и социальным пространством поведения, с другой. Пространство, в котором отпечатывались семейные и человеческие отношения, а также, возможно, следы коллективного существования в обществе. Это пространство не могло быть увидено, но могло быть лишь проинтерпретировано аналитиками или воображено поэтами и художниками[4].

Однако

> за последние 50 лет мы, люди, стали соматическими

---

[3] *Rose N.* The Politics of Life Itself. Biomedicine, Power, and Subjectivity in the Twenty-First Century. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2007. P. 192. В целом все работы Роуза заслуживают самого пристального внимания: *Rose N.* Governing the Soul. The Shaping of the Private Self. L.: Free Association Press, 1999; *Rose N.* Our Psychiatric Future. The Politics of Mental Health. Cambridge, UK; Medford, MA, USA: Polity Press, 2019; *Rose N., Abi-Rached J.M.* Neuro. The New Brain Sciences and the Management of the Mind. Princeton: Princeton University Press, 2013.

[4] *Rose N.* The Politics of Life Itself. P. 194.

> индивидами, теми, кто все более понимает себя, говорит о себе, действует по отношению к себе – и к другим – так, как будто бы мы определены нашей биологией. И эта соматизация начинает расширяться и на наше понимание различий в наших мыслях, желаниях, эмоциях и поведении, то есть на наши умы (*minds*). Если раньше наши желания, настроения и недовольства проецировались на карту психологического пространства, отныне они проецируются на само тело или же на конкретный орган этого тела – мозг[5].

Пространство «между личностью и органами уплощается: ум – это то, что делает мозг»[6]. Мы незаметно превратились в «нейрохимические я»[7].

В таком контексте вернуться к психоанализу и психоаналитической проблематике – значит попытаться снова обратить внимание на эту психологическую глубину и на те измерения человеческой субъективности, которые в этой глубине обретаются. В рамках психоанализа меня интересует школа Жака Лакана (1901–1981). Выбор Лакана вовсе не случаен – именно Лакан сделал субъекта предметом самого внимательного рассмотрения и, собственно, описал многие из элемен-

---

[5] *Rose N.* The Politics of Life Itself. P. 188. Также см.: *Vidal F., Ortega F.* Being Brains. Making the Cerebral Subject. N.Y.: Fordham University Press, 2018.

[6] *Rose N.* The Politics of Life Itself. P. 198.

[7] Ibid. P. 188.

тов интересующей меня структуры[8]. Впрочем, далеко не все мои тезисы следуют за Лаканом – скорее, некоторые положения Лакана лишь иллюстрируют самостоятельный ход мысли[9].

Работу можно условно поделить на две части. Первая часть, к которой относятся первые три главы, является более концептуальной – ее задача в том, чтобы планомерно раскрыть тему человеческой субъективности, по крайней мере ту ее часть, которая может быть выявлена с помощью психоаналитического инструментария. Вторая часть, т.е. последние две главы, является более прикладной – в ней разбираются конкретные кейсы того, как психоаналитическая – лаканианская – теория субъективности может способствовать более нюансированному и глубокому пониманию целого ряда социальных и культурных феноменов.

Так как психоанализ часто подвергается критике за то, что его положения якобы были опровергнуты современной наукой, в частности современной научной психологией, а также различными исследованиями в рамках нейронауки, то первая глава как раз и будет посвящена этому вопросу. Я постараюсь рассмотреть современные дискуссии о научном ста-

---

[8] Лучшее описание лакановской теории субъекта см.: *Fink B.* The Lacanian Subject. Between Language and Jouissance. Princeton: Princeton University Press, 1996. P. 36.

[9] Особенно это касается второй и третьей глав данной книги. Детальный разбор собственно лакановских концепций наиболее полно представлен в четвертой и пятой главах.

тусе психоанализа, в том числе в контексте такого междисциплинарного направления, как нейропсихоанализ. Однако, на мой взгляд, той работы, которая была проделана в рамках нейропсихоанализа, при всей ее значимости хотя бы для реабилитации психоаналитической традиции в глазах академического сообщества, все же не совсем достаточно. В рамках нейропсихоанализа присутствует та же самая опасность упрощенческого понимания человеческой субъективности, которая способна скрыть пласты человеческого субъекта, находящиеся в центре внимания моего исследования. Поэтому вторая глава будет посвящена критическому рассмотрению нейропсихоанализа и указанию на то, что его подход недостаточен для раскрытия интересующей меня темы. Третья глава, являющаяся ключевой для данной работы, будет посвящена непосредственно анализу структуры человеческой субъективности. Я попытаюсь выделить основные элементы этой структуры – субъектность и субъективность, субъективную объективность и субъективную субъективность. Отсюда мы перейдем к ключевому для нашей работы понятию – объективная субъективность, которая и является тем фундаментальным элементом, повсеместно выпадающим из исследований человека. Далее мы совершим переход от измерения субъективности к измерению интерсубъективности, а от него – к измерению коллективной субъективности. Этот переход необходим, так как человеческого субъекта невозможно рассматривать обособленно, он изначально вплетен в от-

ношения с другими, отношения, которые во многом и задают структуру его субъективности.

Дальнейшие главы призваны пояснить и во многом развить те концептуальные соображения, которым была посвящена предыдущая часть работы. В этих главах дается детальный анализ теории субъекта Жака Лакана. Так, в четвертой главе речь пойдет о том, как нюансированная концепция человеческой субъективности помогает более глубокому пониманию современных религиозных процессов. В пятой главе будет рассмотрен феномен селфи и то, как через селфи проявляются элементы объективной субъективности, в частности взгляд Другого.

Глава I
Психоанализ в контексте современной науки[10]

Ругать Фрейда и пренебрежительно относиться к психоанализу среди отечественных интеллектуалов стало чем-то вроде моды. Якобы Фрейд был мошенником, а сам психоанализ – чуть ли не псевдонаучной религиозной сектой. В эфире популярной радиостанции один доселе неизвестный мне господин даже пообещал посвятить разоблачению психоанализа ближайший Меморандум Комиссии по борьбе с лженаукой РАН[11], членом которой этот господин является. О ничтожестве Фрейда любит рассуждать и знаток всех наук Александр Глебович Невзоров. Способствует такому отношению и издаваемая на русском языке литература. Так, например, относительно недавно вышел русский перевод хорошо известной работы Дэвида Уэбстера «Почему Фрейд был не прав»[12], в которой автор почти на 700 страницах детально разъясняет все ничтожество основателя психоанализа. Еще

---

[10] Эта глава основана на статье: *Узланер Д.* В защиту психоанализа // Неприкосновенный запас. 2017. Т. 114. № 4. С. 244–263.

[11] Программа «Наука в фокусе» // Радио «Эхо Москвы». 17 февраля 2017. <http://echo.msk.ru/sounds/1929208.html>.

[12] *Вебстер Д.* Почему Фрейд был не прав. М.: АСТ, 2013.

один пример – книга «Мозг и душа» Криса Фрита[13], изданная в серии научно-популярной литературы, которая почти целиком построена на едкой сатире в адрес Фрейда и противопоставлении ему сугубо научной психологии (к этой книге мы еще вернемся чуть ниже). В итоге надувается целый миф о псевдонаучности психоанализа.

Лично для меня последней каплей, побудившей к написанию данного текста, стало эссе Жюли Реше «Живой труп Фрейда: психоанализ vs нейронаука»[14]. Этот текст примечателен не столько своим содержанием, которое сводится к тезису о смерти Фрейда и обвинению психоаналитиков в желании сокрыть сей прискорбный факт перед лицом бурно развивающейся настоящей науки, сколько фигурой самого автора – директора Института психоанализа, причем не при каком-то сомнительном вузе, а при – как кажется – солидном европейском интеллектуальном Центре[15]. Что ж, если такое пишут целые директора институтов, то, значит, пришла пора поставить вопрос ребром.

Отмахнуться от вопроса о научности любому, для кого психоанализ – к какой бы школе человек ни принадлежал –

---

[13] *Фрит К.* Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: CORPUS, 2010.

[14] *Реше Ж.* Живой труп Фрейда: психоанализ vs нейронаука // Сигма. 26 ноября 2016 г. <http://syg.ma/@zhiuli-rieshie/zhiuli-rieshie-zhivoi-trup-frieida-psikhoanaliz-vs-nieironauka>.

[15] The Global Center for Advanced Studies. <https://globalcenterforadvanced studies.org/>.

что-то да значит, уже невозможно. Несоответствие достоверно установленным фактам – повод вывести любое интеллектуальное начинание за пределы серьезной дискуссии. И психоанализ тут – не исключение. Однако при этом надо всегда отдавать себе отчет: где действительное знание, а где – всего лишь спекуляции с позиций определенного мировоззрения, которое пытается выдать себя за настоящий научный взгляд на мир.

В этой главе я постараюсь ответить на два принципиальных вопроса: во-первых, как обстоит дело с научностью психоанализа, действительно ли в последние годы случилось что-то, что должно заставить нас раз и навсегда отринуть Фрейда и всю ту область исследований, которую он инициировал; во-вторых, с чем все-таки связано столь резкое неприятие психоанализа со стороны целого ряда исследователей, выплескивающееся в периодически повторяющиеся нападки на саму легитимность психоаналитического начинания.

Бесконечные похороны Фрейда

Первое, что вызывает недоумение при разговоре о смерти Фрейда, – это количество подобных смертей на протяжении последних 100 лет. Фрейда начали хоронить чуть ли не с того самого момента, как он в самом конце XIX в. впервые сформулировал идеи, приведшие к появлению психоанализа. Одно перечисление всех этих бесчисленных критиков с их бесчисленными критиками может составить вполне себе солидный том. Вот, например, лишь самые известные: «Фрейд, биолог разума» (1979)[16], «Основания психоанализа: философская критика» (1984)[17], «Упадок и падение империи Фрейда» (1985)[18], «Почему Фрейд был не прав: грех, наука и психоанализ» (1995)[19], «Подводя итог Фрейду» (1996)[20]. Один разбор претензий к Фрейду – вполне себе тема для солидной докторской диссертации[21]. И столько же

---

[16] *Sulloway F.* Freud, Biologist of the Mind. N.Y.: Basic Books, 1979.

[17] *Grünbaum A.* The Foundations of Psychoanalysis: A Philosophical Critique. Berkeley: University of California Press, 1984.

[18] *Eysenck H.* Decline and Fall of the Freudian Empire. Harmondsworth: Penguin Books, 1986.

[19] *Вебстер Р.* Почему Фрейд был неправ?

[20] *Crews F., Macmillan M.* Freud Evaluated: The Completed Arc. Cambridge: The MIT Press, 1996.

[21] Например, в этой книге автор анализирует основных критиков Фрейда: *Robinson P.* Freud and His Critics. Berkeley; Los Angeles; L.: University of California

раз, сколько его хоронили, Фрейд воскресал. Так что же дает современным критикам основание считать, что их нападки – это не просто очередное скучное повторение того же самого, но именно финальный вердикт истории, не подлежащий никакому обжалованию?

В 1993 г. на страницах «New York Review of Books» разразилась настоящая интеллектуальная битва, из которой родился термин – *Freud wars* (фрейдистские войны). Литературный критик и якобы бывший поклонник психоанализа Фредерик Крюс (Frederick Crews) обрушился на своего былого кумира с лавиной обвинений[22]. Эта дискуссия втянула в себя множество выдающих интеллектуалов своего времени – от Адольфа Грюнбаума[23], самого, наверное, дотошного критика Фрейда, до Томаса Нагеля[24], известного американского философа, вставшего в этой войне на сторону психоанализа. Эта война привела к появлению ряда книг[25], не говоря уже о многочисленных откликах в прессе.

Похожая история имела место во Франции, где в 2003 г.

Press, 1993.

[22] Все критические материалы можно найти в этом издании: *Crews F.* The Memory Wars: Freud's Legacy in Dispute. N.Y.: New York Review of Books, 1995.

[23] *Grünbaum A.* Letter to the editor // The New York Review of Books. August 11. 1994. Vol. 41. No. 14. P. 54–55.

[24] *Nagel T.* Freud's permanent revolution // The New York Review of Books. 1994. Vol. 41. No. 9. P. 34–38.

[25] См., например: *Gomez L.* The Freud Wars: An Introduction to the Philosophy of Psychoanalysis. L.; N.Y.: Routledge, 2005.

была предпринята попытка фактически поставить психоанализ вне закона[26]. Эта тщетная попытка спровоцировала целую бурю дебатов, в которую включились ведущие французские интеллектуалы[27].

Привели ли эти атаки к смерти Фрейда? Естественно, нет. В XXI в. Фрейд снова воскрес – на этот раз на волне интереса к нему со сторону нейронауки (об этом ниже).

Фрейда уже успели обвинить в личной непорядочности, в профессиональной непорядочности, в злоупотреблении кокаином, в мошенничестве, в покушении на сами устои человеческой цивилизации, в неуважении к духовно-нравственным ценностям человечества и т.д. Этой критики было столько, что в какой-то момент она начала уже сама себе противоречить. Так, например, самая знаменитая – по крайней мере в России – критика психоанализа, озвученная Карлом Поппером в работе «Нищета историцизма»[28], гласит: психоанализ – это не наука, так как положения психоанализа не могут быть фальсифицированы, т.е. невозможно научно проверить их достоверность. Однако Адольф Грюнбаум,

---

[26] Подробнее об этом см.: *Aflalo A.* The Failed Assassination of Psychoanalysis. The Rise and Fall of Cognitivism / transl. from French by A.R. Price. L.: Karnac, 2015.

[27] В частности, оппоненты Фрейда опубликовали «Черную книгу психоанализа» (см.: Le Livre noir de la psychanalyse / C. Meyer (ed.). Paris: Les Arènes, 2005). На это сторонники Фрейда ответили «Анти-черной книгой психоанализа» (см.: L'anti-livre noir de la psychanalyse / J.-A. Miller (ed.). Paris: Seuil, 2006).

[28] *Поппер К.* Нищета историцизма. М.: Прогресс, 1993.

который с немецкой дотошностью препарировал психоанализ[29], начинает с радикального противоположного тезиса – психоанализ может быть сведен к экспериментально фальсифицируемым суждениям и на этом основании опровергнут[30]. Уже целые академические карьеры выстраиваются на борьбе с психоанализом: упоминавшейся выше Крюс посвятил всю жизнь критике Фрейда, которую он начал вести еще с 80-х годов XX в. Венцом «моей борьбы» Крюса стала 800-страничная работа «Фрейд: от ученого к волшебнику», вышедшая в 2017 г. [31]

Так есть ли в сегодняшнем покушении на Фрейда что-то новое или же это просто очередная стадия *Freud wars*?

---

[29] *Grünbaum A.* The Foundations of Psychoanalysis.

[30] Хороший разбор Грюнбаума можно найти тут: *Robinson P.* Op. cit. Ch. “Adolf Grünbaum: The Philosophical Critique of Freud”; *Gomez L.* Op. cit. P. 16–33.

[31] *Crews F.* Freud: The Making of an Illusion. N.Y.: Metropolitan Books, 2017.

О научности Фрейда и психоанализа

Надо сказать, что критики психоанализа постоянно совершают целый ряд действий, которые вряд ли можно считать «честной игрой».

Во-первых, они атакуют Фрейда с позиций современной науки, так, как будто бы психоанализ с тех пор не развивался, а большинство психоаналитиков просто как попугаи повторяют догмы столетней давности. Едва ли честно критиковать Фрейда за незнание научных теорий или открытий, которые произошли уже после его смерти. Как справедливо отмечает американский психолог Дрю Уэстон,

> отрицать психодинамическое мышление ввиду того, что теория инстинктов Фрейда или же его взгляды на женщин устарели, это все равно что отрицать современную физику на том основании, что Ньютон не понимал теории относительности[32].

Во-вторых, попытки обвинить Фрейда в личной или профессиональной нечистоплотности в контексте разговора о научности психоанализа также, мягко говоря, сомнительны. По справедливому замечанию все того же Уэстона, «время философской и *ad hominem* критики Фрейда прошло», же-

---

[32] *Weston D.* The scientific legacy of Sigmund Freud: Toward a psychodynamically informed psychological science // Psychological Bulletin. 1998. Vol. 124. No. 3. P. 333–371.

лающие объявить начинание психоанализа мертвым должны сделать это с опорой на должную научную процедуру.

В-третьих, несправедливо нападать на психоанализ на основании поиска в текстах Фрейда очевидно ошибочных положений, которые там, безусловно, есть. Взгляды Фрейда на женщин, на гомосексуализм, его недооценка генетических факторов, его эксперименты с кокаином – все это справедливые основания для критики. Однако одновременно критики почему-то предпочитают не замечать то изменяющее все обстоятельство, что основополагающие положения психоаналитической теории уже давно нашли свое убедительное подтверждение. Фрейд

> развивал несколько фундаментальных положений, которые в свое время вызывали споры и были отличительными признаками психоанализа, но которые с тех пор прошли испытание временем; многие из имплицитных и эксплицитных допущений, лежащих в основании той школы, которую Фрейд инициировал, сегодня покоятся на гораздо более надежном эмпирическом основании, чем это было повсеместно принято считать ранее. Пожалуй, это лучшее, на что может рассчитывать мыслитель, принадлежащий к быстро развивающейся дисциплине, подобной нашей [имеется в виду психология. – *Д. У.*], через 60 лет после своей смерти[33].

---

[33] Ibid. P. 362.

Дрю Уэстон суммировал научное наследие Фрейда по итогам XX в. в своей статье 1998 г. «Научное наследие Зигмунда Фрейда. По направлению к психологической науке, учитывающей психодинамическое измерение»[34]. Он выделил пять основополагающих теоретических положений, на которых покоится психоанализ и которые «все в свое время были в высшей степени спорными с точки зрения психологической науки и ассоциировались исключительно с психоанализом»[35].

> Во-первых, и это наиболее важно, значимая часть ментальной жизни – включая мысли, чувства и мотивы – является бессознательной, что значит следующее: люди могут демонстрировать поведение или же развивать симптомы, которые являются необъяснимыми для них самих. Во-вторых, ментальные процессы, включая процессы аффективные и мотивационные, могут функционировать параллельно, так что по поводу одного и того же человека или же одной и той же ситуации люди могут иметь конфликтующие чувства, тянущие их в разные стороны и нередко приводящие к компромиссным решениям. В-третьих, стабильные паттерны личности начинают складываться в детстве, детский опыт играет важную роль в развитии личности, особенно в определении того, как люди позднее будут выстраивать

---

[34] Ibid.

[35] *Weston D.* The scientific legacy of Sigmund Freud… P. 335.

> социальное взаимодействие. В-четвертых, ментальные представления себя, других и отношений направляют отношения с другими и влияют на то, как эти последние приводят к развитию психологических симптомов. Наконец, развитие личности подразумевает не только обучение регулированию сексуальных и агрессивных чувств, но также еще и движение от незрелого, социально зависимого состояния – к состоянию зрелости и взаимной зависимости [*interdependent*] [по отношению к социальному окружению][36].

Каждое из этих положений получило в последние несколько десятилетий многочисленные экспериментальные подтверждения – в своей работе Уэстон подробно разбирает их одно за другим[37].

Психоанализ ассоциируется в первую очередь с концепцией «бессознательного». Долгие годы,

> вплоть до середины 1980-х психодинамически ориентированные психологи были единственными среди своих коллег, кто подчеркивал важность бессознательных мыслей, чувств и мотивов[38].

И вот в последней четверти XX в. появляется целая масса исследований, после которых отрицать бессознательное уже

---

[36] Ibid. P. 334–335.

[37] Более современный обзор научной актуальности положений Фрейда см.: *Solms M.* The scientific standing of psychoanalysis // BJPsych International. 2018. Vol. 15. No. 1. P. 5–8.

[38] Ibid. P. 336.

невозможно[39]. Тезис о том, что «большинство ментальных процессов бессознательны», становится общепризнанным[40]. Далее начинаются споры о том, как именно следует концептуализировать это бессознательное, – например, в когнитивных науках речь идет исключительно о когнитивном бессознательном. Как указывает Марк Солмз,

> в современной когнитивной науке бессознательное представляет собой хранилище автоматических и автоматизированных способностей к обработке информации и поведению [*automatic and automatized information-processing and behavioural capacities*][41].

То есть для когнитивной науки не существует того, что Фрейд называл «Оно», или *Id*. Однако параллельно с когнитивной наукой развивается еще и аффективная нейронаука (например, Яак Панксепп (Jaak Panksepp)), представители которой в отличие от когнитивистов делают упор на аффективные процессы. Марк Солмз, систематизируя набор имеющихся у нас знаний о работе человеческого сознания, делает вывод: динамическое бессознательное Фрейда – это вполне современная научная концепция, основанная на многочис-

---

[39] Многочисленные примеры таких исследований приведены в статье Уэстона (Op. cit.).

[40] *Solms M.* “The unconscious” in psychoanalysis and neuroscience: An integrated approach to the cognitive unconscious // A Bridge Between Psychoanalysis and Cognitive Neuroscience / M. Leuzinger-Bohleber, S. Arnold, M. Solms (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2017. P. 16–17.

[41] Ibid. P. 17–18.

ленных экспериментальных исследованиях[42].

Казалось бы, триумф Фрейда. Но нет! Критики Фрейда – что вновь заставляет усомниться в соблюдении ими принципов «честной игры» – начинают предпринимать колоссальные ревизионистские усилия, лишь бы доказать: бессознательное придумал вовсе не Фрейд, и вообще бессознательное – это нечто совершенно очевидное, о чем все всегда знали и с существованием чего никто никогда особенно не спорил. Или, например, говорят о «новом бессознательном» в противовес бессознательному «старому», ассоциирующемуся с фрейдизмом[43]. Едва ли это справедливый подход. С тем же успехом можно утверждать, что Чарльз Дарвин не предложил ничего нового, – ведь многие люди и до Дарвина выдвигали идеи об эволюции (тот же Альфред Рассел Уоллас (Alfred Russel Wallace) сформулировал теорию эволюции раньше Дарвина).

Из этого повествования вовсе не следует вывод, что у психоанализа все прекрасно в плане научности. Даже самые симпатизирующие психоанализу ученые вынуждены признать: в силу своей истории психоанализ по причинам, которые будут отчасти затронуты в следующем разделе, оказался отрезан от экспериментальной науки. Понять осторожное к нему отношение со стороны множества ученых впол-

---

[42] *Solms M.* “The unconscious” in psychoanalysis and neuroscience. P. 31.

[43] В качестве примера см.: *Mlodinow L.* Subliminal: How Your Unconscious Mind Rules Your Behavior. N.Y.: Vintage; Reprint edition, 2013.

не возможно. Тут трудно спорить с нобелевским лауреатом по физиологии и медицине 2000 г. Эриком Канделом, который, с одной стороны, считает психоанализ «наиболее когерентным и интеллектуально насыщенным взглядом на ум [mind]», а с другой – настаивает на том, что его успешное развитие в XXI в. должно быть обязательно сопряжено со сближением с экспериментальными науками[44].

Об этом сближении мы поговорим в следующем разделе.

---

[44] *Kandel E.* Biology and the future of psychoanalysis. A new intellectual framework for psychiatry revisited // Kandel E. Psychiatry, Psychoanalysis, and the New Biology of Mind. Washington; L.: American Psychiatric Publishing, Inc., 2005. P. 64.

Нейропсихоанализ: нейронаука знакомится с Фрейдом

Хорошо, статья Вестона вышла в 1998 г. Но, может быть, с тех пор произошло что-то невероятное, что должно заставить нас раз и навсегда покончить с Фрейдом? Давайте попробуем разобраться.

С начала XXI в. прямо на наших глазах происходит сближение психоанализа с нейронаукой. Символом этого сближения стало появление нового направления – нейропсихоанализа. Нейропсихоанализ обязан своим возникновением известному своими исследованиями сна ученому Марку Солмзу[45], профессору Университета Кейптауна, который сумел совместить в себе две идентичности – идентичность психоаналитика и идентичность нейропсихолога. В 2000 г. Солмз вместе с рядом коллег основывает Международное нейропсихоаналитическое общество. В это же время начинает издаваться журнал «Нейропсихоанализ»[46], в редакционную коллегию которого на сегодняшний день входит множе-

---

[45] См., например: *Solms M., Turnbull O.* The Brain and the Inner World: An Introduction to the Neuroscience of Subjective Experience. L.; N.Y.: Other/Karnac, 2002. Есть и русский перевод одной из работ: *Каплан-Солмз К., Солмз М.* Клинические исследования в нейропсихоанализе. Введение в глубинную нейропсихологию. М.: Академический проект, 2016.

[46] Официальный сайт журнала: <http://www.tandfonline.com/toc/rnpa 20/current>.

ство как ведущих нейроученых, так и ведущих психоаналитиков. Интересующимся этим направлением на стыке нейронауки и психоанализа можно порекомендовать научно-популярную книгу «На пашнях ума: исследуя новую науку нейропсихоанализа» (2015), написанную Кейси Шварц в предельно доступной для широкой публики форме[47]. Более академическое рассмотрение нейропсихоанализа можно найти в монографии Георга Нортхофа «Нейропсихоанализ на практике. Мозг, Я и объекты» (2011)[48].

Базовая установка нейропсихоанализа заключается в том, что как нейронаука, так и психоанализ изучают одно и то же – человеческий ум. Но изучают его с двух разных сторон: нейронаука – извне как физический объект (мозг); психоанализ – изнутри как мир человеческой субъективности. По мнению представителей нейропсихоанализа,

> мы должны извлечь всю возможную пользу из того обстоятельства, что наш психический аппарат может восприниматься с двух разных сторон. Если мы будем смотреть на него своими собственными глазами (т.е. через направленную вовне перцептивную поверхность), то мы увидим мозг: влажный, желеобразный, дольковатый, вросший в прочие ткани тела. Однако же если мы будем наблюдать за ним

---

[47] *Schwartz C.* In the Mind Fields: Exploring the New Science of Neuropsychoanalysis. N.Y.: Vintage Books, 2015.

[48] *Northoff G.* Neuropsychoanalysis in Practice. Brain, Self, and Objects. N.Y.: Oxford University Press, 2011.

через нашу внутренне направленную перцептивную поверхность, то мы столкнемся с ментальными состояниями, такими как желание или удовольствие. Если мы примем подобный философский подход, то из него естественным образом вытекает желание использовать оба возможных взгляда на наш объект исследования, т.е. и взгляд извне, и взгляд изнутри[49].

Такая философская позиция обозначается как «двухаспектный монизм» (*dual-aspect monism*). В качестве предшественника своего подхода сторонники нейропсихоанализа часто указывают советского нейропсихолога Александра Робертовича Лурию, который в своих работах «Потерянный и возвращенный мир»[50], а также «Маленькая книжка о большой памяти»[51] как раз и дает пример продуктивного совмещения внутренней и внешней перспективы (в ранние годы, когда это еще не было запрещено, Лурия сам принадлежал к психоаналитической школе[52]).

Согласно Марку Солмзу, нейропсихоанализ воспроизводит логику самого Фрейда, только на качественно новом вит-

---

[49] *Solms M., Turnbull O.* What is neuropsychoanalysis? // Neuropsychoanalysis: An Interdisciplinary Journal for Psychoanalysis and the Neurosciences. 2011. Vol. 13. No. 2. P. 137.

[50] *Лурия А.Р.* Потерянный и возвращенный мир. М.: Издательство Московского университета, 1971.

[51] *Лурия А.Р.* Маленькая книжка о большой памяти (Ум мнемониста). М.: Издательство Московского университета, 1968.

[52] *Лурия А.Р.* Психоанализ в свете основных тенденций современной психологии. Обзор. Казань: Красный печатник, 1923.

ке развития науки. Сам Фрейд начинал именно как представитель экспериментальной науки, однако исследования мозга его времени не позволяли совершить переход к изучению человеческого ума во всей его полноте. В итоге Фрейду пришлось оставить экспериментальную науку и пуститься в рискованное плавание по волнам человеческой субъективности, изучаемой отныне исключительно психологическими средствами. Однако он не оставлял надежды однажды поставить свой подход на твердые экспериментальные рельсы – для этого надо было лишь дождаться того момента, когда исследования мозга разовьются настолько, чтобы иметь возможность полноценной работы с человеческой субъективностью.

Нейропсихоаналитики любят приводить следующие две цитаты из самого Фрейда для подтверждения своей позиции:

> необходимо помнить, что все временно нами допущенные психологические положения придется когда-нибудь перенести на почву их органической основы… Мы считаемся с такой возможностью, подставляя вместо особых химических веществ соответствующие особые психические силы[53].
>
> Недостатки нашего описания, вероятно, исчезли бы, если бы психологические термины мы могли заменять физиологическими или химическими терминами[54].

---

[53] *Фрейд З.* О нарциссизме // Фрейд З. Я и Оно / пер. с нем. М.В. Вульфа. М.: Эксмо, 2016. С. 637.

[54] *Фрейд З.* По ту сторону принципа удовольствия // Фрейд З. Я и Оно. С. 759.

С точки зрения сторонников нейропсихоанализа, этот момент в развитии экспериментальной науки настал – стремительные прорывы в области нейронаук последних лет позволяют, наконец, начать экспериментальные исследования тех областей, которыми до этого занимались лишь психоаналитики.

Действительно, внимательное наблюдение за работой человеческого сознания не могло не натолкнуть нейроученых на те же самые феномены, которые уже давным-давно были описаны Фрейдом. Например, один из, наверное, самых известных нейроученых мира Вилейанур Рамачандран (Vilayanur S. Ramachandran), которого трудно заподозрить в симпатиях к психоанализу, в своей книге «Фантомы мозга»[55] вынужден, помимо многочисленной критики, в том числе и признать заслуги Фрейда, в частности открытие им «защитных механизмов». Рамачандран описывает любопытный феномен, с которым он столкнулся в процессе своей практики: человек с парализованной конечностью яростно отрицает факт своего недуга. Пожилая дама с парализованной рукой никак не хочет признавать эту новую реальность и продолжает вести себя так, как будто бы с ее руками все в порядке. Эти наблюдения подтолкнули его к размышлениям:

> Наблюдать за такими пациентами – это как наблюдать за природой человека через увеличительное

---

[55] *Ramachandran V.S., Blakeslee S.* Phantoms in the Brain: Probing the Mysteries of the Human Mind. L.: Fourth Estate Ltd, 1999.

стекло; мне тут же на ум приходят все грани человеческой глупости, я начинаю думать о том, насколько сильно мы все склонны к самообману. Здесь в теле пожилой женщины, сидящей на кресле-каталке, мы видим комически преувеличенную версию всех тех психологических защитных механизмов, о которых Зигмунд и Анна Фрейд писали еще в начале XX века. Этими защитными механизмами пользуемся мы все – я, вы и все остальные в тот момент, когда сталкиваемся с беспокоящими нас фактами о самих себе[56].

Далее Рамачандран с опорой на Фрейда подробно описывает каждое из тех ухищрений, которые используются пациентом, лишь бы не признавать катастрофическую для себя истину. Хотя он и не согласен с теми объяснениями, которые использовал Фрейд, он не может не признать:

Критика Фрейда – это популярное интеллектуальное занятие наших дней (хотя у него по-прежнему сохраняются фанаты в Нью-Йорке и Лондоне). Однако, как было показано в этой главе, у него были некоторые ценные прозрения, касающиеся человеческого состояния; он был прав, когда говорил о психологических защитных механизмах, пусть у него и не было ни малейшего представления о том, почему они развиваются и при посредстве каких нейронных механизмов[57].

---

[56] Ibid. P. 130.

[57] *Ramachandran V.S., Blakeslee S.* Phantoms in the Brain: Probing the Mysteries

Нет ничего удивительного в том, что сегодня Рамачандран входит в редакционную коллегию журнала «Нейропсихоанализ»[58].

Начинание нейропсихоанализа не бесспорно – у него есть критики как со стороны психоанализа (к этому мы вернемся чуть ниже)[59], так и со стороны тех, кто психоанализ не приемлет категорически[60]. Однако прошедшие 20 лет доказали – перед нами серьезное начинание, которое едва ли можно с легкостью списывать со счетов.

Если подводить какой-то предварительный итог моему обзору, то пока мне так и не удалось обнаружить тех оснований, по которым психоанализ должен быть списан с корабля современности.

Но тут возникает следующий аспект: может быть, психоанализ и не так уж и неверен как исследовательское направ-

---

of the Human Mind. L.: Fourth Estate Ltd, 1999. P. 156.

[58] См.: <http://www.tandfonline.com/action/journalInformation?show=editorialBoard&journalCode=rnpa20>.

[59] *Blass R.B., Carmeli Z.* The case against neuropsychoanalysis. On fallacies underlying psychoanalysis' latest scientific trend and its negative impact on psychoanalytic discourse // The International Journal of Psychoanalysis. 2007. Vol. 88. No. 1. P. 19–40. Примечателен также и последовавший за этим ответ со стороны сторонников нейропсихоанализа. См.: *Yovell Y., Solms M., Fotopoulou A.* The case for neuropsychoanalysis: Why a dialogue with neuroscience is necessary but not sufficient for psychoanalysis // The International Journal of Psychoanalysis. 2015. Vol. 96. No. 6. P. 1515–1553.

[60] *Ramus F.* What's the point of neuropsychoanalysis? // The British Journal of Psychiatry. 2013. Vol. 203. No. 3. P. 170–171.

ление, но одновременно это конкретный метод лечения, который на сегодняшний день сильно уступает гораздо более простым, эффективным и клинически доказанным способам психологической помощи.

Поговорим о ножах для колки льда

Это несколько субъективный момент, но лично для меня доверие к овеянным авторитетом науки «эффективным» средствам воздействия на человеческую личность кончилось после ознакомления с классической работой Дональда Хебба «Организация поведения: нейропсихологическая теория» (1949). В этой книге, как говорят, до сих пор используемой как учебник, американский ученый помимо всего прочего уделяет целую главу проблемам эмоциональных расстройств, где поднимает вопрос об эффективности психотерапии вообще и психоанализа в частности. С его точки зрения, эффективность психотерапии никак научно не доказана – как бы психоанализ ни старался доказать свою эффективность в исцелении душевных расстройств, нет никаких научных данных в его пользу. А в пользу чего есть триумфальные научные данные? Что же такое должно, как считает Хебб, прийти на смену психоанализу? Тут Хебб торжественно ссылается на доктора Уолтера Фримена (1895–1972) и внедренную им технологию лоботомии. Этому революционному способу борьбы с депрессией – наряду с шоковой терапией – посвящен заключительный раздел. Лоботомия преподносится как пример триумфа научности над всякими ретроградными методами.

Книга не зря вышла в 1949 г. – именно в этом году Но-

белевскую премию по физиологии и медицине получил Антониу Эгаш Мониш – португальский нейрохирург, который и придумал сверлить людям мозг в надежде исцелить их от душевных расстройств. Уолтер Фримен, своеобразный Генри Форд от лоботомии, в 40-х годах XX в. революционизировал процедуру – отныне для ее проведения не требовались никакие особые медицинские процедуры, достаточно было ножа для колки льда и простого молотка. Нож вбивался человеку в мозг молотком через глазницу, далее несколько ловких движений кистью руки – и пациент «здоров». Это невероятно, но данный способ считался передовым, научно обоснованным способом лечения психических расстройств на протяжении многих лет. У этого супернаучного способа воздействия был один маленький недостаток – после него человек превращался в «овощ». Симптомы заболеваний у него действительно исчезали, но был ли это еще человек или же нечто, что когда-то этим человеком было, сказать трудно…

Сам Фримен[61] колесил по США на своем фургончике, предлагая каждому, кто испытывает психические расстройства, испытать – всего за несколько десятков долларов – чудодейственный способ лечения. Делал он свои операции в том числе и несовершеннолетним детям. История одного из

---

[61] Хороший документальный фильм про Уолтера Фримена можно посмотреть здесь: The Lobotomist (2008) // YouTube <https://www.youtube.com/watch?v=DMkbYL1k-gU>.

них была изложена в автобиографической книге[62]. После того как, наконец, спустя много лет (!!!!) были выявлены побочные эффекты лоботомии, от ее повсеместного использования отказались, а сам Фримен до конца своих дней ездил по Америке в поисках бывших пациентов: он очень хотел доказать (себе?), что его лечение действительно помогало. Циники скажут, что запрет лоботомии был связан вовсе не со вновь выявленными побочными эффектами, а с появлением гораздо более эффективных способов воздействия, уже не требовавших физического воздействия на мозг, – речь идет о «химической лоботомии» с помощью таблеток.

Надо ли говорить, что мистер Фриман – сюрприз! сюрприз! – презирал психоаналитиков и психоаналитический подход[63]. Ведь его подход был настоящей наукой, настоящим прогрессом человеческого знания! Психоаналитики же были в числе тех немногих, кто возвышал голос против этого эффективного, эмпирически обоснованного способа «излечения» душевных расстройств[64].

В 1941 г. на заседании Американской медицинской ассоциации сэр Рой Р. Гринкер, психоаналитик, проходив-

---

[62] *Dully H., Fleming Ch.* My Lobotomy: A Memoir. N.Y.: Broadway Books, 2008.

[63] Как пишет Дженнел Джонсон в книге «Американская лоботомия: риторическая история», Фриман «оставил множество уничижительных замечаний по поводу психоанализа как в своих личных записях, так и в переписке» (*Johnson J.* American Lobotomy: A Rhetorical History. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2014. P. 182).

[64] См., например: *Johnson J.* American Lobotomy: A Rhetorical History. P. 33ff.

ший лечение у самого Фрейда, возвысил голос против лоботомии[65]. Он считал, что редукцирование психических расстройств исключительно к органической основе опирается на недоказанную гипотезу, а устранение таких симптомов, как тревога (*anxiety*), путем уничтожения мозговой ткани едва ли может считаться правильным. Гринкер намекал на то, что психологические проблемы могут быть связаны не только с органикой, что они могут иметь другие причины, как то полагали сторонники психоаналитической терапии. В целом он ставил под вопрос этичность лоботомии как метода лечения – особенно применительно к детям. В ответ Фриман презрительно заметил, что его оппонент апеллирует к эмоциям, а эмоциям нет места в настоящей науке. Лоботомист считал, что сопротивление его прогрессивному методу идет от религиозного мракобесия и нежелания расставаться с иллюзиями под натиском научного прогресса. В частности, он сказал:

> Все еще сохраняется тенденция рассматривать мозг как «храм ума», «трон души» и «великий дар Божий», при этом изгоняется любая мысль о том, что в эту священную структуру можно вторгаться. Как же трудно избавиться от кандалов средневекового мышления[66].

Гринкер отреагировал на выпады Фримана достаточно эмоционально:

---

[65] Вся история приведена здесь: Ibid. P. 33–37.

[66] *Johnson J.* American Lobotomy: A Rhetorical History. P. 36.

> Д-р Фриман упоминает то обстоятельство, что моя позиция определяется эмоциями. Мол, я не говорю «знаю» или «уверен», но лишь «чувствую», так как я на самом деле не знаю; вероятно, кто-то из вас, возможно, даже сам д-р Фриман, полагает, будто бы префронтальная лоботомия может избавить меня от моей тревоги, но я действительно встревожен, я чрезвычайно встревожен по этому поводу, я чувствую тревогу, обращенную в будущее, тревогу, касающуюся будущей заботы о… большой группе людей, блуждающей по этой стране с психозами и психоневрозами, которые, если не соблюдать предельную осторожность, могут оказаться покалеченными этой операцией[67].

Как видно по этой цитате, дискуссия о лоботомии выводит нас за рамки конкретного эпизода из истории медицины. Мы сталкиваемся с куда более серьезным вопросом – вопросом, касающимся тревоги за собственно человеческое измерение в человеке. Человеческая субъективность, человеческая душа – это не просто производная от органического базиса, которой можно произвольно манипулировать с помощью, например, ножа для колки льда, это особая вселенная, особый мир, требующий деликатности, уважения к собственной сложности. Именно эту вселенную отстаивал психоанализ в лице Гринкера в своем этическом, эмоциональном неприятии лоботомии.

---

[67] Ibid.

Лоботомия – это лишь крайний пример гиперэффективных (а, по сути, псевдоэффективных) и невероятно научных способов воздействия на человека, игнорирующих или открыто презирающих – подобно доктору Фриману – собственно человеческое измерение человека. Это поиск каких-то волшебных кнопочек в голове, нажав на которые можно избавиться от страданий, выключить неприятные симптомы, мешающие человеку стать «нормальным». В этом смысле устраняющие душевные расстройства некогда модные компьютерные алгоритмы психотерапевтической помощи, вульгарно понятая когнитивно-бихевиоральная терапия (формула которой – «русская собака Павлова + американский компьютер = человек»[68]) или же специальные лечебные наркотики, быстро поднимающие настроение, ничем не лучше лоботомии – это все то же отрицание человечности, человеческой субъективности[69].

---

[68] *Aflalo A.* The Failed Assassination of Psychoanalysis. P. 137.

[69] Подробнее о специфике психоанализа перед лицом наступающих наукообразных подходов к душевным расстройствам пишет Элизабет Рудинеско в своей книге «Почему психоанализ?» (*Roudinesco E.* Why Psychoanalysis? / transl. by R. Bowlby. N.Y.: Columbia University Press, 2002).По поводу эффективности психоанализа интерес представляет эта журналистская статья (*Burkeman O.* Therapy wars: the revenge of Freud // The Guardian. January 7. 2016. <https://www.theguardian. com/science/2016/jan/07/therapy-wars-revenge-of-freud-cognitive- behavioural-therapy>), которая, в свою очередь, основана на следующей научной работе: *Fonagy P., Rost F., Carlyle J.-A., Mcpherson S., Thomas R., Fearon P., Goldberg D., Taylor D.* Pragmatic randomized controlled trial of long-term psychoanalytic psychotherapy for treatment-resistant depression: The Tavistock Adult Depression Study (TADS) // World Psychiatry. 2015. Vol. 14. No. 3. P. 312–

321.

Обеспокоенность статусом, или «Дяденька, я тоже ученый!»

Дальнейшее погружение в удивительный мир критиков психоанализа выводит на еще один интересный сюжет, на это раз имеющий отношение к представителям социальных и гуманитарных науки. Я говорю об обеспокоенности статусом со стороны тех, чье академическое признание находится под постоянным знаком вопроса – а действительно ли то, что они делают, является наукой? Эта обеспокоенность в качестве следствия приводит к неприятию всего, что может быть хотя бы косвенно заподозрено в недостаточной научности. Здесь важно то, что перед нами забота не об истине, но лишь о том, чтобы выглядеть научно в глазах своих более уважаемых коллег, «настоящих ученых». Приведу два конкретных примера из разных дисциплин.

В самом начале главы я упомянул книгу Криса Фрита «Making up the Mind: How the Brain Creates Our Mental World»[70], которую на русский язык перевели как «Мозг и душа. Как нервная деятельность формирует наш внутренний мир». Всю книгу можно прочитать как драматическое повествование о том, как ее автор, профессор психологии, пы-

---

[70] *Frith Ch.* Making up the Mind: How the Brain Creates Our Mental World. Hoboken, NJ: Blackwell Publishing, 2007. [Рус. изд.: *Фрит К.* Мозг и душа: как нервная деятельность формирует наш внутренний мир. М.: CORPUS, 2010.]

тается всеми силами доказать своему воображаемому собеседнику, профессору физики, что он не какой-то там софист, а настоящий ученый, такой же ученый, как и сам этот физик. В качестве мальчика для битья в повествование введен профессор английского языка, являющийся, естественно, сторонником психоанализа. «Дяденька, я тоже ученый!» – как бы кричит автор этого опуса на каждой из 300 страниц. В какой-то момент даже проникаешься искренней симпатией к этому немолодому мужчине, пытающемуся изо всех сил зарекомендовать себя перед воображаемыми друзьями. Но есть одна проблема – большая часть книги посвящена разным фокусам, типа слепых пятен, которые, безусловно, интересны, но вряд ли ассоциируются со словами, вынесенными в название книги: «душа» (в русском переводе) или же *mind* (в английском оригинале). В своем стремлении доказать воображаемому физику, какой он ученый, автор фактически превращает психологию в «физиологию восприятия», старательно избегающую любых собственно психологических сюжетов (например, желания или фантазии), так как они быстро столкнут повествование с гладких сциентистских рельсов. Вновь перед нами игнорирование человеческой субъективности, которая оказывается ненужной в этой погоне за статусом и престижем.

Аналогичный пример обеспокоенности статусом (*status anxiety*) демонстрируют социологи. Так, в середине XX в. в американской социологии происходит качественная транс-

формация – переход от социологии эссеистского типа, частью которой были психоаналитические подходы, к социологии позитивистской, помешанной на точности и строгости используемых исследовательских методов[71]. Причиной этого перехода была не в последнюю очередь тревога по поводу статуса своей дисциплины в глазах представителей более научных дисциплин, равно как и желание убедить чиновников и спонсоров от науки не сокращать бюджеты на социальные исследования. Ну и еще призрачная надежда однажды ввести социологию в число дисциплин, за которые будет присуждаться Нобелевская премия. Результатом этой погони за статусом стало доминирование количественных методов, приведшее к вытеснению менее строгих подходов, равно как и действительно интересных исследовательских вопросов. Подобный поворот не дал ожидаемого результата, заведя, по сути, социологию в тупик: точных результатом как не было, так и нет, но к неточности прибавилось еще и измельчание исследовательских вопросов. О кризисе социологии последние годы много пишет Питер Бергер[72], некогда написавший работу «Приглашение в социологию», зазывавшую молодых людей в эту интересную и увлекательную

---

[71] Подробнее см.: The Unhappy Divorce of Sociology and Psychoanalysis: Diverse Perspectives on the Psychosocial / L. Chancer, J. Andrews (eds). L.: Palgrave Macmillan, 2014.

[72] Например, см.: *Berger P.* Sociology: a disinvitation? // What's Wrong with Sociology? / S. Cole (ed.). New Brunswick; L.: Transaction Publishers, 2001. P. 193–204.

дисциплину. Корни проблемы Питер Бергер видит именно в этом помешательстве на сциентизме и, как следствие, «методологическом фетишизме», когда используются «все более утонченные методы для изучения все более тривиальных сюжетов»[73].

Беспокойство по поводу имиджа в глазах коллег с других факультетов, тревога по поводу финансирования, которое могут не продлить или не увеличить, если хотя бы на секунду выйти из образа «настоящего ученого», делающего «настоящую науку», вполне понятны с человеческой точки зрения. Однако могут ли такие «человеческие, слишком человеческие» соображения быть приняты в качестве легитимной критики психоанализа?

---

[73] *Berger P.* Whatever happened to sociology? // First Things. 2002. <http://www.firstthings.com/article/2002/10/whatever-happened-to- sociology>.

Так почему же многие исследователи категорически отвергают психоанализ?

В связи с нейропсихоанализом мы уже упоминали о том, что человека можно рассматривать как бы с двух сторон: с одной стороны, его можно рассматривать как объект, как что, как нечто сугубо физическое и материальное, подлежащее беспристрастному научному изучению наряду с прочими материальными явлениями. В нашем случае речь идет прежде всего о мозге и происходящих в мозгу процессах. С другой стороны, человека можно рассматривать как субъекта, как кто, как нечто нефизическое и нематериальное. Эта субъективная сторона человека раскрывает целое новое – собственно человеческое – измерение: это субъективная вселенная смыслов, значений, амбивалентных отношений, путаных желаний, вины, тревоги, свободно принимаемых решений. Человеческая психика покоится на материальном субстрате физиологии, в том числе и физиологии мозга, однако от этого она не перестает быть принципиально иной по отношению к своему физиологическому основанию. Что бы ни происходило в мозгу на самом деле, мир человека – это мир не сводимых к физиологии смыслов, это мир – что важно, – не замыкающийся на одном человеке, но суще-

ствующий в сложном, пронизанном переносами и контрпереносами социальном интерсубъективном контексте. Именно этот мир и изучает психоанализ.

Казалось бы, это самоочевидно. Но далеко не для всех. Есть такое очень странное, но тем не менее популярное мировоззрение, согласно которому никакой субъективности как особой, на что-то влияющей реальности не существует, это всего лишь иллюзия, которую в исследовательских целях можно спокойно вынести за скобки. Человек в рамках таких подходов рассматривается как машина, как биоорганический робот, компьютер, чье функционирование полностью предопределено физиологическим субстратом.

Эту позицию можно назвать вульгарным материализмом, примитивным биологизаторством, или, если совсем серьезно, – «строгим натурализмом» (*strict naturalism*). Строгий натурализм берет верования, желания, предпочтения, выборы и проч., что составляет нашу сознательную, разумную психологическую жизнь, и объясняет все это понятиями, которые обозначают нечто несознательное, нементальное и непсихологическое.

Сторонники такого подхода отрицают любую каузальность, вытекающую из феноменов человеческого сознания и самосознания, включая и свободу воли; эти феномены должны быть обязательно так или иначе сведены к нементальным основаниям. Как пишет один из сторонников такой точки зрения:

> Любое законченное объяснение ментального явления должно быть сведено к нементальным понятиям, иначе это не будет никаким объяснением. Вполне возможно объяснить одни ментальные явления другими – может быть, в понятиях веры или желания, – однако если мы ищем объяснение всех ментальных явлений, то нам все равно придется двигать эти ментальные объяснения до тех пор, пока мы не приблизимся к абсолютно нементальным понятиям[74].

Строгий натурализм

> как идеальная научная философия пытается включить все аспекты реальности во всеобъемлющую объединенную перспективу, которая исключает все, что является по своей природе сознательным, психологическим или ментальным[75].

Именно это мировоззрение нередко отождествляется с научным, принимается многими исследователями по умолчанию как нечто естественное[76]. Неудивительно, что психоанализ, который весь построен на внимании к субъективной стороне человека, который признает за психикой отдельную каузальность, который говорит о целом «психическом аппарате», являющемся неким психическим аналогом физиче-

---

[74] *Rey G.* Contemporary Philosophy of Mind. Oxford: Blackwell, 1997. P. 21.

[75] *Goetz S., Taliaferro Ch.* Naturalism. Grand Rapids: Eerdmans, 2008.

[76] Его, кстати, очень забавно высмеял Джон Серл в своей работе «Открывая сознание заново» (*Серл Дж.* Открывая сознание заново / пер. с англ. А.Ф. Грязнова. М.: Идея-Пресс, 2002).

ской анатомии, который, страшно сказать, порой позволяет себе оперировать понятием «душа», вызывает раздражение и презрительное хмыкание у адептов подобного взгляда на мир.

Возьмем Даниэла Деннета, одного из самых ярких современных философов-натуралистов. Его основная работа – «Объясненное сознание»[77] – как раз и посвящена последовательному изложению «строго натуралистического» взгляда на человека. В частности, он пишет:

> лишь та теория, которая объясняет сознательные события в понятиях несознательных событий, может вообще претендовать на объяснение сознания[78].

Едва ли удивительно, что книга начинается с ехидных комментариев в адрес психоанализа, представляемого как абсурдная игра на пьяной вечеринке[79].

Никто не может запретить людям придерживаться любых, даже самых безумных воззрений. В конечном счете каждый сходит с ума по-своему. Но мы должны четко понимать, что именно тут стоит на кону. Дело уже не в психоанализе, дело в отрицании человека. Это атака на человеческую субъективность, на человечность в принципе во имя плоских, примитивных и якобы научных подходов. Психоанализ тут оказывается в одном ряду с религией, теологией, вообще с лю-

---

[77] *Dennett D.* Consciousness Explained. N.Y.; Boston; L.: Back Bay Books, 1991.

[78] Ibid. P. 454.

[79] Ibid. P. 10–16.

быми подходами, которые отстаивают человеческую сложность. Защищая психоанализ, мы защищаем не просто конкретные положения того подхода, который 100 лет назад был предложен австрийским ученым, мы защищаем нечто большее – собственно человеческое в человеке – от новых варваров от науки, любителей простоты и ножей для колки льда.

И здесь хотелось бы снова вернуться к нейропсихоанализу. Мозг и человеческая субъективность, безусловно, связаны. Можно спорить по поводу того, как именно эта связь осуществляется. Сам Фрейд считал, что мозг, подобно печке, поставляет энергию, которая затем приобретает совершенно иное качество – она становится психической энергией и приводит в движение особую психическую вселенную, существующую параллельно процессам в человеческом мозгу[80]. Нейропсихоанализ сегодня настаивает на гораздо более существенной связи между физиологией мозга и вселенной человека. Однако как бы там ни было, человеческая субъективность – вопреки громогласным заявлениям, например, Катрин Малабу с ее *cerebrality*[81] – нередуцируема к мозгу. Мозг

---

[80] См. более подробное рассмотрение данного вопрос: *Malabou C.* The New Wounded: From Neurosis to Brain Damage / transl. by S. Miller. N.Y.: Fordham University Press, 2012. P. 25–27.

[81] Ibid. P. 25–27. Любопытна дискуссия Катрин Малабу с Адрианом Джонстоном: *Johnston A., Malabou C.* Self and Emotional Life: Philosophy, Psychoanalysis, and Neuroscience. N.Y.: Columbia University Press, 2013. Само слово *cerebrality* (от *cerebral* – мозговой, церебральный) является аллюзией на *sexuality* – тем самым Малабу как бы подчеркивает, что те процессы, которые Фрейд выводил из сексуальных импульсов, на самом деле являются производными от функциони-

и субъективность – это две принципиально разные вселенные: что бы там в этой черепной коробке ни происходило, какими бы точными измерительными приборами мы ни обладали, все равно это не даст нам ответ на вопрос, что именно происходящее значит для человека как субъекта, как это переживается им и осмысляется в сложном социальном контексте взаимоотношений с такими же, как и он, человеческими существами.

Поэтому при всей симпатии к Марку Солмзу и нейропсихоанализу нельзя не согласиться с критическими замечаниями Рейчэл Бласс и Цви Кармеле о том, что даже в этом подходе при всей его важности есть опасные черты биологизаторского редуцирования, за которыми можно утратить самое ценное, что только есть в психоанализе, – внимание к человеческой субъективности.

> Нейронаука, – пишут Бласс с Кармелем, – может поведать нам о биологии ума в процессе сна, мотивации, переживания аффектов, однако она ничего не сообщает нам об осмысленности этого биологического субстрата или же о том, как он может быть осмысленно понят и категоризирован. Ввиду того что психоанализ – это процесс и теория, движимая стремлением понять латентные смыслы и психические истины, которые определяют человеческую психику, выводы нейронауки оказываются нерелевантными для

рования человеческого мозга.

психоаналитических целей и практики[82].

В этом смысле нейропсихоаналитическая интерпретация Фрейда должна быть как минимум уравновешена герменевтическим подходом[83].

---

[82] *Blass R. B., Carmeli Z.* The case against neuropsychoanalysis. P. 34.

[83] *Habermas J.* Knowledge and Human Interests / transl. by J.J. Shapiro. Boston: Beacon Press, 1971. P. 214–300.

Несколько заключительных соображений

Моя попытка разобраться в вопросе научности психоанализа так и не вывела ни на какие научные прорывы, которые должны отбросить Фрейда на обочину истории. Наоборот, в последней четверти XX в. были сделаны открытия, подтверждающие основополагающие идеи психоанализа. Благодаря этим открытиям на наших глазах происходит сближение психоанализа как исследования человеческой субъективности с экспериментальной нейронаукой, изучающей материальный субстрат этой субъективности.

Поиск причин неприятия Фрейда, помимо банальной озабоченности статусом со стороны ряда неуверенно себя чувствующих коллег, вывел меня на крайне специфическое мировоззрение, представляющее собой вариацию на тему вульгарного материализма и биологизаторства. Это новое технологизированное варварство, которое отрицает собственно человеческое измерение человека и видит в этом свою великую добродетель и знак превосходства над менее продвинутыми современниками.

Психоанализ, безусловно, должен сближаться с экспериментальной наукой. Но должен он одновременно и понимать причины своего неприятия адептами натурализма из числа строгих наук и их гуманитарных последователей. Понимать

особенность своего взгляда на человека как достоинство, которое стоит защищать во имя человеческого духа и человеческой свободы.

Глава II
Нейропсихоанализ и его концептуальные проблемы[84]

Предыдущая глава закончилась осторожной критикой в адрес нейропсихоанализа, связанной, в частности, с его недостаточным вниманием к специфике и уникальности человеческой субъективности. Задача данной главы – продолжить размышления в этом направлении.

В последние десятилетия благодаря значительным успехам нейронаук – в том числе успехам в медийном пространстве – приставка «нейро-» стала чуть ли не обязательным дополнением практически любой дисциплины: появились нейрофилософия, нейроправо, нейроэкономика и даже нейротеология. Обилие подобных нейроначинаний не всегда вызывает восторг и умиление. Эта увлеченность нейро- уже неоднократно подвергалась обстоятельной и достаточно разумной критике со стороны скептически настроенных исследователей, так называемых нейроскептиков[85]. Нейропсихо-

---

[84] Эта глава основана на статье: *Узланер Д.* Нейропсихоанализ и его концептуальные проблемы // Социология власти. 2020. Т. 32. № 2. С. 48–72.

[85] *Bennett M.R., Hacker P.M.S.* Philosophical Foundations of Neuroscience. Hoboken, NJ: Wiley-Blackwell, 2003; *Tallis R.* Aping Mankind. Neuromania, Darwinits and the Misrepresentation of Humanity. L.: Acumen Publishing Limited,

анализ может быть рассмотрен как еще одна дисциплина в этом ряду. И в этом смысле он тоже неизбежно должен стать объектом критического рассмотрения со стороны нейроскептиков. Собственно, такая критика нужна самому нейропсихоанализу, если эта дисциплина претендует на то, чтобы сохраниться в истории науки. Одна из статей, опубликованных в журнале «Neuropsychoanalysis», заканчивается призывом к появлению «философии нейропсихоанализа», которая бы занималась «далеко идущими размышлениями» относительно тех фундаментальных теоретических вопросов, с которыми данная дисциплина сталкивается[86]. Моя рефлексия как раз и представляет собой усилие в этом направлении: это рефлексия, которая, с одной стороны, отдает должное нейропсихоаналитическому начинанию, а с другой – не может не обратить внимание на имеющиеся на данный момент концептуальные трудности.

2011; *Legrenzi P., Umilta C., Anderson F.* Neuromania: On the Limits of Brain Science. Oxford: Oxford University Press, 2011.

[86] *Talvitie V., Ihanus J.* The psychic apparatus, metapsychology, and neuroscience: Toward biological (neuro)psychoanalysis // Neuropsychoanalysis. 2006. Vol. 8. No. 1. P. 96.

Нейропсихоанализ и двухаспектный монизм

Нейропсихоанализ претендует на то, чтобы быть комплексным подходом, объединяющим сразу две дисциплины – нейронауку и психоанализ. Причины для подобного объединения понятны: нейронаука пытается объяснить доступными ей методами функционирование человеческого мозга, а также то, как это функционирование связано с поведением и мышлением. Психоанализ, в свою очередь, описывает «страсти ума», наблюдая за причудливыми траекториями человеческих поступков и желаний. При этом мозг – это не отдельно висящий орган, помещенный неким безумным ученым в колбу. Равно как и ум (разум/сознание) – это не идеальная сущность, не отягощенная материей. Мозг и ум связаны, или, если выражаться более научно, скоррелированы. Эта очевидная корреляция подталкивает к естественному желанию соединить изучение этих двух явлений в рамках одной дисциплины, т.е. собственно нейропсихоанализа.

Но как именно они соотносятся? Избегая как дуализма, так и тождества, нейропсихоанализ занимает более хитрую промежуточную позицию, позицию так называемого двухаспектного монизма (*dual-aspect monism*). Суть этой позиции в том, что ум и мозг – две стороны чего-то третьего. Мозг позволяет увидеть это третье со стороны объективной реаль-

ности, доступной для изучения «с позиции третьего лица», сознание/разум (*mind*) позволяет увидеть это третье со стороны субъективно переживаемых состояний, доступных для изучения «с позиции первого лица»[87].

Но что это за загадочное третье, разными сторонами которого оказываются как мозг, так и сознание? В качестве такового в нейропсихоанализ вводится «психический аппарат» Фрейда, который с физиологической стороны оказывается мозгом, а с субъективной стороны – сознанием. «Психический аппарат» оказывается той загадочной декартовской «шишковидной железой», в которой происходит таинственный переход от физического к психическому и – если только мы не стоим на позициях эпифеноменализма – от психического к физическому. Вопрос об этом переходе, собственно, и составляет ядро так называемой проблемы сознание – тело (или психофизической проблемы). Нас в данном контексте интересует следующий аспект данной проблемы: по какому принципу идет перекодирование физического в психическое или физиологических процессов мозга в субъективную реальность сознания? Ответ на этот вопрос имеет принципиальную значимость для построений нейропсихоанализа.

---

[87] *Solms M., Turnbull O.H.* What is neuropsychoanalysis? // Solms M. The Feeling Brain. Selected Papers on Neuropsychoanalysis. L.: Karnac Books, 2015. P. 22.

Мозг или психика? Концептуальные проблемы нейропсихоанализа

Субъективная реальность сознания – это не просто мозг плюс квалиа, т.е. субъективное переживание процессов в мозгу. Различия субъективной реальности и мозга гораздо более фундаментальны и разительны. Нигде в нашем сознательном опыте, как бы сильно мы ни вглядывались в окружающие нас предметы, мы не обнаружим ни полушарий, ни мозжечка, ни амигдалы. Не обнаружим мы и электрических импульсов вместе с нейротрансмиттерами. Мы наблюдаем «виртуальную реальность»[88] или, лучше сказать, «психическую реальность», репрезентирующую внешнюю для нас объективную физическую реальность, если таковая вообще существует. Структура этой «психической реальности» принципиально отличается от структуры физиологических процессов мозга. Сознание интенционально, оно имеет дело

---

[88] О концепции виртуальной реальности более подробно см.: *Lehar S.* The World in Your Head. A Gestalt View of the Mechanism of Conscious Experience. N.Y.; L.: Psychology Press, 2012; *Metzinger Th.* The Ego Tunnel. The Science of the Mind and the Myth of the Self. N.Y.: Basic Books, 2011; *Revonsuo A.* Inner Presence. Consciousness as a Biological Phenomenon. Cambridge, MA; L.: MIT Press, 2009; *Revonsuo A.* Consciousness. The Science of Subjectivity. Hove; N.Y.: Psychology Press, 2010; *Revonsuo A.* Biological naturalism and biological realism // The Routledge Handbook of Consciousness / R.J. Gennaro (ed.). N.Y.: Routledge, 2018. P. 188–201.

с целостным опытом, тогда как мозг, наоборот, членит поступающие к нему сигналы, обрабатывая их в самых разных местах, зачастую просто физически удаленных от тех органов, через которые поступает информация, – например, зрительная информация обрабатывается не в передней части, где находятся глаза, а в затылочной. Наконец, дело не только в том, что структура «психической реальности» отличается от структуры мозговой физиологии, но еще и в том, что эта психическая реальность существует для кого-то – она существует для субъекта, которому она помогает ориентироваться в окружающей среде:

> Тогда как материальный свет попадает в мозг физическим образом, взгляд, который выглядывает изнутри, не является продолжением цепочки физических событий. Глядит человек, а не мозг[89].

Именно в силу фундаментального качественного различия – между физиологическими и психологическими процессами – мы и нуждаемся в «психическом аппарате», способном решить «проблему связывания» (*binding problem*), т.е. синтезировать разрозненные импульсы мозга в единое, скоординированное целое. Но мы снова и снова упираемся в то, что мозг – это физический орган, а сознание – орган психический. То есть недостаточно просто скоординировать импульсы и упорядочить их. Необходимо перепрыгнуть вме-

---

[89] *Tallis R.* Op. cit. P. 109. К проблеме пропадания субъекта из картины нейропсихоанализа мы еще вернемся чуть позже.

сте с этими импульсами через пропасть – попасть из физической реальности в психическую. Я постоянно подчеркиваю эту проблему перехода из одной реальности в другую, так как это имеет принципиальное значение для нейропсихоаналитического начинания. Дело в том, что нейропсихоанализ, по крайней мере в своих немногочисленных теоретических работах, не уделяет должного внимания радикальности этого перехода – он свободно переходит от мозга к уму так, как будто бы не перепрыгивает пропасть, а просто переходит через тоненький ручеек[90]. В итоге получается вовсе не заявленный двухаспектный монизм, который все-таки предполагает, что мы имеем дело с двумя равнозначными аспектами чего-то единого, а не просто с мозгом, который, с другой стороны, еще и сознание[91]. Местами подход нейропсихоанализа начинает напоминать просто «нейтральный монизм» (*neutral monism*), который, в отличие от двухаспектного монизма, не различает физическое и психическое в качестве двух равнозначных аспектов, но рассматривает их как просто разные перегруппировки того же самого:

> группированные одним образом нейтральные сущности, из которых конституирован ваш мозг,

---

[90] Например, в статье, посвященной «трудной проблеме сознания», Марк Солмз так и не подходит к этому вопросу во всей его сложности: *Solms M.* A neuropsychoanalytical approach to the hard problem of consciousness // Journal of Integrative Neuroscience. 2014. Vol. 13. No. 2. P. 173–185.

[91] *Stubenberg L.* Neutral monism // Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2010 / E.N. Zalta (ed.). <http://plato.stanford.edu/entries/neutral- monism/>. Раздел 8.3.

являются мыслями или чувствами; группированные другим образом, они являются атомами, нейронами и лобными долями[92].

Причем этой загадочной нейтральной сущностью оказывается именно мозг, т.е. физический орган, который каким-то образом при этом постулируется еще и в качестве чего-то нейтрального, что заставляет предположить, что это нейтральное – просто чуть более замаскированное наименование материального, позволяющее сделать скачок к психическому максимально бесшовным и невидимым. Это приводит и к дальнейшим концептуальным проблемам: например, при переходе от физиологии к психологии или же при переходе от биологического к социально-культурному.

Например, Яак Панксепп просто говорит о МозгеУме (*BrainMind*) или УмеМозге (*MindBrain*), подразумевая, что перед нами нечто единое, просто в первом случае речь идет о взгляде «снизу-вверх», а во втором – о взгляде «сверху-вниз»[93]. Георг Нортхофф, автор одной из самых глубоких с философской точки зрения работ по теории нейропсихоанализа, отождествляет «психический аппарат» с «функционирующим мозгом» (*functioning brain*), т.е. психическое с физическим. Такой вывод можно сделать хотя бы в тот момент, когда он описывает «пространственно-временную

---

[92] Ibid.

[93] *Panksepp J., Biven L.* The Archaeology of Mind. Neuroevolutionary Origins of Human Emotions. N.Y.; L.: W.W. Norton & Company, 2012.

структуру» (*spatiotemporal structure*) как бесшовно связанную с мозгом, говоря, по сути, просто о «пространственно-временной структуре мозга, находящего в состоянии покоя» (*brain's resting state's spatiotemporal structure*)[94]. Но пространственно-временная структура – это именно психическая сущность, которая может иметь нейронные корреляты (*neural correlates*), но которая при этом сама не может быть сведена к физиологии. То есть где-то тут находится то, что вслед за Гуссерлем можно назвать материалистическим абсурдом, т.е. очевидно абсурдной попыткой соединения несоединимых измерений[95]. При этом сам подход Нортхоффа предельно интересен: он предлагает изучать не привычные «нейронные корреляты сознания», но «нейронные предрасположенности сознания» (*neural predispositions of consciousness*)[96]. То есть он предлагает задаться вопросом, как мозг кодирует имеющиеся у него сигналы и придает им ту форму, которая может быть узнана в архитектуре феноменального человеческого сознания. Так, он упоминает о двух элементах этого функционирующего мозга (*functioning brain*) – «процессы, имеющие отношение к

---

[94] *Northoff G.* Psychoanalysis and the brain – why did Freud abandon neuroscience? // Frontiers in Psychology. 2012. Vol. 3. P. 6.

[95] См.: *Reynaert P.* Neuroscientific dystopia: does naturalism commit a category mistake? // Neuroscience and Critique: Exploring the Limits of the Neurological Turn / J. de Vos, E. Pluth (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2016. P. 65–72.

[96] *Northoff G.* Neuropsychoanalysis in Practice. Brain, Self, and Objects. N.Y.: Oxford University Press, 2011. P. 47.

Я» (*self-relating processes*) и «различение по осям мозг–Я и мозг–объект» (*brain–self and brain–object differentiation*).

Как бы нам ни был симпатичен подход Нортхоффа, мы все же не можем не задаться вопросом – почему в качестве этого третьего понятия используется именно термин *functioning brain*, а не *functioning mind*? Действительно ли *functioning brain* ничем не отличается от *functioning mind*? Если же отличается, то где и в какой момент возникает именно *functioning mind*, т.е. именно психический аппарат, который на верхних ярусах приводит к субъективно переживаемому опыту. Но, может быть, различение *mind* и *brain* – это просто игра словами? Если это и игра словами, то не бóльшая, чем игра в различение мозга и сознания. Переход от мозга к психике – это не просто плавное перетекание электрических импульсов в элементы феноменальной реальности: элементы феноменальной реальности не состоят из электрических импульсов, они лишь коррелируют с ними. Это прыжок через пропасть, которую невозможно заделать терминологическими скачками, просто превратив психический аппарат в *functioning brain*, который, в свою очередь, легко превращается просто в *brain*.

Нейропсихоанализ и проблема перевода

Этот фундаментальный вопрос начинает иметь практическую значимость в тот момент, когда мы начинаем осуществлять перевод психоаналитической теории на язык нейронауки и обратно. Отношение к психофизической проблеме не как к пропасти, но как к ручейку приводит к попыткам провести прямую параллель между функционированием мозга и функционированием субъективной реальности. Имплицитно предполагается, что структура мозга должна соответствовать структуре психического аппарата, а значит, и структуре субъективного опыта. Такое предположение приводит к упрощению и даже примитивизации сложной психоаналитической теории, которая разрабатывалась для анализа именно психологической сферы. Это психологическое может быть прямо сопоставлено с физиологическим только за счет радикального упрощения первого, так как любая психологическая сложность окажется неизбежно сопряженной с проблемами своего проецирования на физиологию как в смысле того, что физиология просто иначе устроена, так и в смысле того, что наши методы такого проецирования достаточно прямолинейны хотя бы даже в техническом плане.

Марк Солмз в своих работах критикует Фрейда за то, что он называет «кортикальноцентрической ошиб-

кой» (*corticocentric fallacy*), т.е. за представление Фрейда о том, что сознание связано с «высшими кортикальными функциями» (*higher cortical functions*)[97]. Вместо этого Солмз обращает внимание на более современные теории, которые увязывают сознание с «самыми глубинными частями мозга» (*inmost interior of the brain*)[98]. Отсюда Солмз делает фундаментальные выводы, имеющие отношение к базовым положениям фрейдовской метапсихологии: например, что фрейдовское бессознательное (Оно) вовсе не бессознательно[99], а бессознательным является как раз эго, которое просто «одалживает» сознание в тот момент, когда ему надо решить ту или иную проблему с удовлетворением запросов Оно, не решаемых автоматически или решаемых автоматически не так, как нужно[100]. Проблема здесь не в том, прав ли Солмз в данном конкретном вопросе о нейронной лока-

---

[97] *Solms M.* “The unconscious” in psychoanalysis and neuroscience. An integrated approach to the cognitive unconscious // The Unconscious: A Bridge between Psychoanalysis and Cognitive Neuroscience / M. Leuzinger-Bohleber, S. Arnold, M. Solms (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2017. P. 19.

[98] *Solms M.* “The unconscious” in psychoanalysis and neuroscience. An integrated approach to the cognitive unconscious // The Unconscious: A Bridge between Psychoanalysis and Cognitive Neuroscience / M. Leuzinger-Bohleber, S. Arnold, M. Solms (eds). L.; N.Y.: Routledge, 2017. P. 19.

[99] Ibid. P. 20. См. наиболее детальное рассмотрение в: *Solms M.* The conscious Id // Neuropsychoanalysis. 2013. Vol. 15. No. 1. P. 5–85. Со стр. 20 идет интересное критическое обсуждение идей Солмза со стороны ведущих психоаналитиков и нейроученых.

[100] *Solms M.* The conscious Id. P. 17; *Solms M.* “The unconscious” in psychoanalysis and neuroscience. P. 31–32.

лизации сознания, проблема в самом принципе – проецировании структуры физиологии мозга на структуру субъективной реальности[101]. Вполне возможно, что на уровне физиологии это точное описание происходящих в мозгу процессов, но насколько это точное описание на уровне психики? Здесь как минимум нужна верификация с другой стороны, т.е. узнавание этого описания человеком в опыте своей жизни. Можно, например, заметить, что психические проблемы человека не сводятся к тому, чтобы просто эффективно с помощью своего Я решать те простые и понятные задачи, которые перед ним ставит Оно. Если бы человек точно понимал ту проблему, которую ему надо решить, ему бы вряд ли требовались усилия психоаналитиков, да и в целом психотерапевтов, задача которых порой заключается в том, чтобы попытаться помочь человеку хотя бы приблизиться к пониманию того, в чем именно его проблема заключается. Одно из главных достоинств психоанализа – создание предельно сложного описания мира человеческой психики, в котором люди смогли бы себя узнать. Едва ли стоит жертвовать этой сложностью во имя гармонизации с нейронаукой, при том что основания этой гармонизации так до конца и не прояснены. То есть если уж говорить о гипотетической ошибке Фрейда, то она заключается вовсе не в неверном приписы-

---

[101] См. обсуждение этого аспекта: *Hartmann Cardelle V.A.* Metapsychological consequences of the conscious brainstem: A critique of the conscious id // Neuropsychoanalysis. 2019. Vol. 21. No. 1. P. 3–22.

вании сознания к коре, а в самой попытке увязать психологическую структуру с физиологической.

Простое проецирование физического на психическое приводит к фундаментальной проблеме нейропсихоанализа – проблеме перевода и неузнавания психоаналитиками своих концепций после их пропускания через сито нейронауки. Что теряется в тот момент, когда психоаналитическое понятие «переводится» в нейронаучное? Какой процент содержательной потери может быть признан приемлемым? Например, если фрейдистское понятие вытеснения (*Verdrängung*; *repression*) не поддается переводу на язык нейронауки, то не следует ли это интерпретировать как указание на то, что вытеснение – это психический феномен? Разве это не более здравая стратегия по сравнению с переинтерпретацией данного понятия как обозначения забывания некогда принятых решений, которые в буквальном смысле впечатываются в нейронные сети на уровне головного мозга? А работы с вытеснением – как помощи человеку в пересмотре этих некогда принятых решений?[102] Это интересная интерпретация вытеснения, но она отсылает скорее к когнитивно-бихевиоральной терапии, нежели к тому вытеснению, о котором писал Фрейд, имея в виду именно психическую реальность, а не реальность физиологии человеческого мозга. Где заканчивается нейропсихоанализ именно как психоанализ и начинается просто нейронаука с элементами фрей-

---

[102] См.: *Solms M.* “The unconscious” in psychoanalysis and neuroscience. P. 29–31.

дизма? Как такие реинтерпретации соотнести с претензией нейропсихоанализа на то, чтобы быть не просто еще одной школой психоанализа, а именно «связью между всеми разновидностями психоанализа и нейронауками»? [103]

Решение Фрейда оставить проект 1895 г., предполагавший объединение нейронауки того времени с психоаналитическими исследованиями, интерпретируется сегодня исключительно в смысле указания на то, что наука конца XIX – начала XX в. еще не позволяла осуществить подобный переход. Однако, как гласит этот нарратив, в XXI в. с появлением новых методов изучения мозга такое объединение оказывается возможным и продуктивным [104]. Но действительно ли дело только в развитии технологий? Действительно ли изучение психической реальности – это просто вопрос совершенствования методов изучения мозга? Действительно ли можно проецировать метапсихологию Фрейда на физиологию и анатомию просто на том основании, что у нас появились новые приборы, позволяющие эту физиологию изучать? Разве можно так просто и поспешно обойти психофизическую проблему? И не возвращаемся ли мы в силу поспешности к допсихоаналитическому, дофрейдовскому пониманию психики, когда последняя просто отождествлялась с сознанием?

Фундаментальным открытием Фрейда был тезис о том, что сознанием психическая жизнь не ограничивается, созна-

---

[103] *Solms M., Turnbull O.H.* What is neuropsychoanalysis? P. 31.

[104] Ibid.

ние – это лишь верхушка психического айсберга, под которой находится сложная машинерия психических структур и процессов, на выходе и создающая то, что мы называем субъективной реальностью. В этом плане Фрейд атаковал картезианскую традицию, которая сводила ментальную жизнь исключительно к сознательной сфере[105]. Нейронаука, критикуя Декарта[106], не обращает внимание на то, что в более фундаментальном плане она не преодолевает Декарта, но именно что возвращается к нему – снова сужая сферу психического до «мыслящей вещи», которую пытаются всячески скоррелировать с «вещью протяженной».

В работе «О бессознательном»[107] Фрейд задается вопросом, можем ли мы отождествлять подводную бессознательную часть психики с мозговыми процессами. Сам он уходит от этого вопроса, считая его просто игрой в слова. Однако этот вопрос перестает быть простой игрой в слова, если мы начинаем выводить из физиологии, а иногда и просто из анатомии мозга структуру психической реальности. Даже самые упертые натуралисты все же согласились в конце концов считать сознание чем-то отличным от мозга, хотя бы по причине квалиа, но готовы ли они пойти за Фрейдом

---

[105] *McDonald P.S.* History of the Concept of Mind: Speculations about Soul, Mind, and Spirit from Homer to Hume. L.; N.Y.: Routledge, 2003. P. 279.

[106] *Damasio A.R.* Descartes' Error. Emotion, Reason and the Human Brain. N.Y.: Quill, 2004.

[107] *Фрейд З.* Бессознательное [1915] // Фрейд З. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 3: Психология бессознательного. М.: Фирма СТД, 2006. С. 111–128.

дальше и признать, что сознание – это только часть психики, которая, в свою очередь, не может быть просто так отождествлена с мозгом: *functioning mind* не может быть так просто отождествлен с *functioning brain*. Не может ровно до тех пор, пока не будет предложено убедительное решение психофизической проблемы. Даже если психика и мозг – две проекции одного и того же, из этого никак не следует, что эти две проекции одинаковы. Даже цилиндр, спроецированный в две разные плоскости – вертикальную и горизонтальную, – даст две разные проекции: прямоугольник и круг. Этот прямоугольник и этот круг будут, безусловно, скоррелированы друг с другом, но нам едва ли стоит выводить из круга свойства прямоугольника, и наоборот.

Гипотеза Фрейда выглядит почти безумной особенно по меркам XXI в. – философам сознания еле-еле удалось убедить натуралистов-материалистов хотя бы в существовании сознания, которое не может быть редуцировано к мозгу, а здесь предлагается пойти дальше и ввести еще и психику как нечто качественно отличное от мозга[108]. И это при том, что в пользу существования нередуцируемого психического

---

[108] Радикальность позиции Фрейда не в том, что он считал, что помимо сознания есть еще какая-то часть психического, которая находится вне сознания. Радикальность его позиции в том, что он считал всю психическую реальность изначально лишенной сознания, бессознательной – сознание появляется на следующем этапе и ухватывает лишь малую часть этой реальности. См.: *Solms M.* What is consciousness? // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1997. Vol. 45. No. 3. P. 681–703.

нельзя даже сослаться на знаменитые квалиа, так как психика по ту сторону сознания этих квалиа как раз и лишена, т.е. сознание – это психика плюс квалиа, а бессознательное – это психика минус квалиа[109]. И все же без возвращения к психике, не тождественной сознанию, нам не обойтись.

То, что мы называем физической реальностью, есть на самом деле реальность психическая, т.е. реальность, возникающая как слепок с недоступной для нас физической реальности, пропущенной через машину мозга и превращенной – неясным для нас образом – в ту самую доступную нам реальность психическую[110]. В рамках психической реальности мы можем говорить, например, о психической материи, которая является репрезентацией материи физической, после того, как последняя была каким-то образом переправлена через психофизический барьер. Вопрос о соотношении психической материи с физической не так прост – в отражении физической реальности психическая материя просто репрезентирует для нас недоступные нам материальные объекты, но, например, в реальности сновидения эта психическая материя уже живет во многом своей жизнью, избавившись от своего объективного референта во внешнем мире. Каждый, кто

---

[109] См.: *Boag S.* In defence of unconscious mentality // Psychoanalysis and Philosophy of Mind. Unconscious Mentality in the Twenty-First Century / S. Boag, L.A.W. Brakel, V. Talvitie (eds). L.: Karnac Books, 2015. P. 239–268.

[110] Подробнее об этом см. в следующей главе.

знаком с опытом осознанных сновидений[111], может сам поэкспериментировать с этой психической материей – увидеть, как она перетекает из одной формы в другую иногда прямо в руках сновидящего субъекта. Точно так же можно говорить, например, о психическом времени в противовес времени физическому. Или же о психической каузальности в противовес каузальности физической. В общем и целом для описания психической реальности требуется своя совершенно особая физическая теория.

В задачи данного раздела не входит подробное описание физических свойств этой психической реальности. Я лишь хочу подчеркнуть, что психическую реальность нельзя сводить к реальности физической, а функционирование психики – к функционированию мозга как физиологического органа человека[112]. Значимая часть психической реальности – это репрезентация физической реальности человеческому Я, которое тоже является порождением этой психической реальности. Репрезентация более-менее точная, в противном случае человечество вряд ли бы сделало столь успешную эволюционную карьеру. Однако – и тут начинается самый

---

[111] *LaBerge S., Rheingold H.* Exploring the World of Lucid Dreaming. N.Y.: Ballantine Books, 1991.

[112] Здесь можно задаться вопросом о том, а откуда мы знаем о том, что эта физическая реальность по ту сторону психической вообще существует. Я не знаю, как это доказать, но я исхожу из того, что мир по ту сторону мозга существует хотя бы в силу того, что я не считаю людей вокруг меня творениями своего собственного мозга.

важный для психоанализа момент – помимо репрезентации физической реальности эта психическая реальность привносит и нечто свое, нечто сугубо субъективное. Отсюда ключевое положение Фрейда о том, что на физическую реальность накладывается еще что-то: а именно реальность психическая. Здесь надо сделать пометку, что эта физическая реальность сама является психической (в том смысле, что мы никогда не имеем дело с самими вещами напрямую, мы имеем дело лишь с их преломлением в нашей психике), а то, что Фрейд называет «психической реальностью», есть лишь еще один слой, накладываемый на эту психическую реальность, т.е. это как бы психическая реальность в квадрате или психическая реальность внутри психической реальности[113].

Дальше возникает собственно эпистемологический вопрос – а как именно эту психическую реальность можно изучать? Для того чтобы можно было идти от мозга, нам надо сначала если не решить психофизическую проблему (прежде всего ее самую сложную эмпирическую часть – как именно мозг порождает психику), то как минимум однозначно определить, как структура мозговых процессов проецирует-

---

[113] О том, что такое психическая реальность в психоанализе, шли и идут дискуссии, см.: *Arlow J.A.* The concept of psychic reality and related problems // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1985. Vol. 33. No. 3. P. 521–535; *Wallerstein R.S.* The concept of psychic reality: Its meaning and value // Journal of the American Psychoanalytic Association. 1985. Vol. 33. No. 3. P. 555–569; *Widlöcher D.* Psychic reality: Belief or illusion? Psychoanalytic tradition as belief in psychic reality // American Imago. 2006. Vol. 63. No. 3. P. 315–329.

ся на структуру психической реальности. Только в случае обнаружения такого фундаментального принципа мы можем делать однозначные выводы, например, о сознательном Оно или же о бессознательном Я на основании конкретной локализации в мозге нейронных коррелятов этих психических сущностей. В отсутствие такого фундаментального знания мы можем лишь говорить, условно говоря, о входе и выходе, т.е. явление А из физической реальности мозга соответствует явлению Б из психической реальности субъективного сознания. Как именно одно соотносится с другим, что происходит при переходе из одной реальности в другую, что именно прибавляется к А или отнимается от него при его переходе к Б – об этом мы можем только гадать, соотнося вход и выход, но никак не ожидая получить на выходе то же самое А, которое мы замерили при входе. Возможно, даже такое А из физической реальности, которое не имеет никакого Б из реальности психической. И наоборот – такое В из психической реальности, которое не имеет никакого А или Б в реальности физической. В этом смысле едва ли можно удивляться тем трудностям, с которыми сталкиваются нейроученые в поиске, например, механизма вытеснения именно в его психодинамической интерпретации.

Возьмем в качестве примера влечение. Возможно, исследования животных и позволяют проследить прямой бесшовный переход от физиологического влечения к его успешной реализации в поведении, например, крысы. Но подоб-

ный бесшовный переход применительно к человеку уже становится крайне проблематичным – где-то в процессе этого перехода влечение превращается в желание, налетая, как на риф, на то, что Лакан называл символическим, т.е. налетая на процесс символизации этого влечения, на попытку ухватить это влечение с помощью означающих. А желание – это уже не простое влечение, которое может быть сведено, например, к семи базовым аффектам, это настоящий мучительный лабиринт, внутри которого скитается невротизированный субъект, пытающийся понять, чего именно он хочет, зачем он этого хочет и почему, получив то, что он вроде как хотел, он понимает, что хотел вовсе не этого. На это накладывается еще и интерсубъективная природа желания: желание – это всегда желание другого и в смысле того, что желание – это желание стать желанным в глазах другого, и в смысле того, что желание субъекта – это слепок с желания другого, желание получить то, что желанно для другого. Я хочу новую машину не потому, что у меня есть физиологическая потребность в ней, я хочу новую машину, потому что эту новую машину хотят другие, потому что она способна сделать меня желанным в глазах другого (например, той идеальной женщины, которую я хочу однажды встретить). Но новая машина, к сожалению, не делает меня желанным, поэтому круг желания запускается заново.

Лакановский психоанализ допускает утопическую возможность возврата к влечению (по ту сторону невроза), но в

таком случае это влечение становится влечением к смерти в смысле безрассудного следования за этим влечением, невзирая ни на какие обстоятельства[114]. Слова про желание и уж тем более рок могут показаться практикующим нейроученым недостойной ума беллетристикой, недоступной для эмпирической проверки, однако именно это есть удел человеческий, именно это есть человек, каким он предстает в истории, литературе, философии, религии. Именно такой образ должен прорисовываться в конечном итоге в работах нейропсихоанализа, а не воображаемый гомункулус, у которого хвост от исследований животных (*animal research*), а уши от когнитивных наук (*cognitive studies*).

Маркс Солмз справедливо предостерегает от «диванных спекуляций» и предлагает взять каждое положение и «протестировать его на соответствие реальности»[115]. Но что такое «реальность» применительно к человеку, если не та самая реальность, с которой мы имеем дело, столкнувшись с живым человеком в естественной среде его обитания, т.е. в культуре? Тест на реальность должны выдерживать не только кабинетные спекуляции, но и «спекуляции в белых халатах», вытекающие из экспериментов в стерильных лабораторных

---

[114] См. интерпретацию влечения к смерти в многочисленных работах Славоя Жижека. *Žižek S.* The Parallax View. Cambridge, MA; L.: The MIT Press, 2006. P. 62 и далее. Также см.: *Hook D.* Of symbolic mortification and “undead life”: Slavoj Žižek on the death drive // Psychoanalysis and History. 2016. Vol. 18. No. 2. P. 221–256.

[115] *Solms M., Turnbull O.H.* What is neuropsychoanalysis? P. 31.

условиях.

Вопреки Панксеппу, изучение «снизу-вверх» не тождественно изучению «сверху-вниз», а *BrainMind* – это не *MindBrain*, просто увиденный с другого конца. Это *Brain* и *Mind*, каждый из которых подлежит самостоятельному изучению в надежде – которую, собственно, и воплощает начинание нейропсихоанализа, – что эти две реальности – физическая и психическая – однажды встретятся на этом таинственном психофизическом переломе. Если изучение *Brain* – это удел нейроученых, то изучение *Mind* или психики – удел психоаналитиков. И здесь сразу возникает вопрос: а как изучать эту психику, если это не сознание, но нечто, на чем это сознание, этот опыт Я выстраивается. Здесь мы неминуемо упираемся в Канта и сформулированную им концепцию трансцендентального – однако об этом более подробно мы поговорим в следующей главе в разделе «Трансцендентальное Канта vs трансцендентальное Фрейда».

Не что, а кто: назад к субъекту

Но не получается ли у нас окончательное и бесповоротное разъединение мозга и психики, которые только в какой-то утопической перспективе идеального нейропсихоанализа смогут снова соединиться и предстать в качестве чего-то единого? Для того чтобы избежать такого вывода, нам надо снова поставить вопрос о том самом третьем, что выглядит, с одной стороны, как мозг, а с другой – как сознательное переживание психической реальности. И здесь надо понять: это третье – не что-то, это третье – кто-то. Этим кем-то, собственно, и является человек, или субъект, который обладает, с одной стороны, мозгом, а с другой – психикой и в недрах которого и происходит превращение влечения в желание и в целом физической реальности в психическую. Движение от мозга к психике и от психики к мозгу – маленькие шаги навстречу пониманию субъекта во всей его многомерной сложности. Субъект – это не просто субъективность в смысле способности к уникальному квалитативному переживанию опыта от первого лица. Это не просто субъектность в смысле способности быть основанием для собственных действий, например, в соответствии с принципом ментальной каузальности. Это вообще не набор способностей, функций, модулей, базовых влечений, это именно кто. Субъект – этот тот, кто обладает всем этим, но при этом к ним не сводится.

Это то целое, которое больше своих частей и которое может быть расчленено на эти части только аналитически, только для того, чтобы быть снова собранными в это целое обратно. Если психоаналитическая часть в нейропсихоанализе что-то да значит, то значить она должна не просто заимствование психоаналитического жаргона, но акцент на целостности человека. Великая заслуга Фрейда в том, что он увидел перед собой не просто биологический механизм с поврежденной деталью, но человека, запутавшегося в самом себе, в мире и в своих отношениях с окружающими. Психоанализ начинается с признания того, что у симптомов есть смысл, что перед нами не просто чистая физиология, на которую можно воздействовать с помощью химии или электричества (не говоря уже про ножи для колки льда). А за смыслом всегда стоит живой человек, субъект.

Концептуализация субъекта – это еще один пример того, почему невозможно просто транслировать физиологию в психологию, почему нельзя так просто отмахиваться от психофизической проблемы. Субъект, если речь идет о человеческом субъекте, не просто нарастает на нейронном базисе, эволюционируя от «прото-Я» (*proto-self*) до «автобиографического Я» (*autobiographical self*)[116], наоборот, он есть тот, кто разрывает эти нейронные связи, кто, собственно, и возникает в этих разрывах. Как пишет Жижек,

---

[116] Об этих уровнях Я см.: *Damasio A.R.* Self Comes to Mind. Constructing the Conscious Brain. N.Y.: Knopf Doubleday Publishing Group, 2010.

> субъект (сознания) не является организмом, чей гомеостаз предшествует каждому нарушению этого гомеостаза и который пытается заново установить этот гомеостаз после каждого нарушения; субъект возникает через нарушение гомеостаза организма, он «является» самой активностью по обращению с нарушениями (*the very activity of dealing with disturbances*)[117].

Именно здесь – в этом разрыве – и возникают собственно человеческие эмоции

> тревоги и ужаса. Тревога – это коррелят столкновения с той Пустотой, которая формирует самое средоточие субъекта; ужас – это опыт отвратительности жизни в ее самой чистой форме, в форме «немертвой» жизни[118].

Даже концепция *autobiographical self*, которая вроде бы и призвана обозначать человеческого субъекта на высших ярусах его развития, промахивается мимо субъекта, так как

> каждое признание субъектом себя в образе или цепи означающих (короче говоря, каждая идентификация) уже порочно в самой своей сути; каждое ликующее «Это я!» уже содержит зерна признания «Это не я!»… субъект далеко не сводится к некоему сущностному ядру идентичности, недоступному для рефлексивной рекуперации (*recuperation*

---

[117] *Žižek S.* The Parallax View. P. 223.

[118] *Žižek S.* The Parallax View. P. 227.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.